

ДВУХСТОРОННИЕ ОТНОШЕНИЯ РОССИЙСКОЙ И ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ В 15-18 ВЕКАХ

Дата: 21.09.2018 Автор: Иван Андрианов

Рубрика: [Ближний Восток](#)

Вступление

Как следует из названия, эта работа посвящена отношениям Российской и Османской империй, то есть отношениям двух стран или, используя МИДовский жаргон, «двусторонке». Однако в чистом виде такие отношения между странами отсутствуют, поскольку на них помимо их собственных интересов постоянно оказывают воздействие другие страны, с мнениями которых участники политического диалога обязаны (в силу договорных, союзнических или иных обязательств) считаться или хотя бы принимать во внимание.

Поэтому, рассматривая историю двусторонних отношений двух империй,

мы будем подсвечивать их некоторыми вопросами геополитики того времени, которая не была такой глобальной, как в настоящее время.

Не могу удержаться также от замечания относительно того парадокса в отношениях Российской и Османской империй, который, как мне представляется, заключается в том, что, провоевав целое столетие, на его излете (1799 год) страны все-таки пришли к пониманию необходимости объединить свои силы против общего врага, заключив военный договор. С этой позитивной ноты и начались развиваться их отношения в XIX веке. Хотя и тогда войн между двумя империями тоже было немало.

Автор не претендует на полноту раскрытия темы, вынесенной в название этой работы, в силу её обширности и многогранности, а также наличия огромного количества исследований, освещающих различные аспекты этого исторического периода.

Хотелось бы также заметить, что в будущем нас ждут новые интересные факты, которые потребуют осмысления, а может быть и переосмысления ряда событий, имевших место в отношениях между Россией и Османской Портой, роли, которую играли те или иные политические деятели. Поскольку, как удалось выяснить в ходе сбора материалов, по сей день в Архивном департаменте МИД России, а также (если верить МИДовским архивариусам) в закрытых фондах Британского внешнеполитического ведомства и Библиотеки Конгресса США находятся подборки документов, которые по сей день остаются засекреченными. По крайней мере, часть их них относятся к категории так называемой «тайной дипломатии».

Что касается непосредственно предлагаемой работы, то она состоит из двух частей. В первой из них предпринята попытка кратко проследить основные вехи в противоборстве Российской и Османской империй. При этом упор делался не на ход военных кампаний, а на выяснение причин возникновения конфликтов, а также их политических последствий. Во второй части автор попытался обозначить некоторые проблемы, которые определяли ход исторических событий, а также проигрышное положение Порты и выигрышное положение России.

При подготовке работы в качестве основных источников была использована книга М. С. Мейера «Османская империя в XVIII веке». Публикации К. А. Жукова в Вестнике Санкт-Петербургского университета, включая «Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв.» и в Вестнике Московского университета «Формирование представлений об Османской Империи в России в XVIII — начале XX в.». А также публикация В. Н. Виноградова «Османская Империя и Россия. XVI— конец XIX века» в журнале «Новая и новейшая история».

Использовались также материалы Интернет порталов (подробнее — см. список литературы).

Часть первая. Обзор отношений между Россией и Портой

1.1 Допетровское время

Ключевой датой в отношениях России и Османской империи, как представляется, является 1475 год, когда турецкие войска высадились в Крыму. Они оккупировали полуостров, Северное Причерноморье и Приазовье, вторглись далеко вглубь древнерусских земель. Рухнул баланс сил в регионе. Хан Менгли гирей превратился в вассала Высокой Порты, а ханство из осколка развалившейся Золотой Орды преобразовалось в санджак, находившейся на вершине могущества Османской империи.

Действительно, темпы экспансии турок в XV веке впечатляют: 50-е годы — захват Константинополя и гибель Византийской империи, 70-е — присоединение Крыма и установление господства на Черном море. А впереди — эпоха Сулеймана Великолепного, прорыв в XVI столетии на венгерскую равнину, основание Будайского эялета.

Документальная же история отношений между Россией и Турцией насчитывает свыше пяти веков, на что указывает сохранившееся до наших дней послание князя Ивана III османскому султану Баязету II, датированное 30 августа 1492 года. Помимо предложений по вопросам взаимодействия в области морской торговли, в документе содержатся жалобы на притеснения, которым подвергались русские купцы со стороны турецких властей.

В 1497 году русский посол получил от султана грамоту, которой охранялись все права и преимущества по торговле русских купцов в турецких пределах. Торговля русских возобновилась. Однако и позже Иван III посылал к султану жалобы, в частности о нападениях азовских казаков. (РИА Новости <http://ria.ru/politics/20100113/204301523.html#ixzz30SM33dxV>)

Такая ситуация, когда отношения между нашими странами, выражаясь современным языком, были довольно вялыми, а межгосударственные контакты носили эпизодический характер, продолжалась почти до середины XVII века. За это время осколки Золотой орды, которые не могли тягаться силой с крепнущей Россией, прекратили свое существование. Последними пали в царствование Ивана Грозного Казанское и Астраханское ханства. Однако, как отмечает В. Н. Виноградов, совсем «иная участь ожидала крымский форпост Высокой Порты. Сюзеренитет

Османской державы давал ему своего рода гарантию неприкосновенности». (В. Н. Виноградов «Османская Империя и Россия. XVI — конец XIX века» Новая и новейшая история, 2012, №?1, стр. 99)

Пользуясь высоким покровительством, крымские ханы наращивали интенсивность набегов на русские земли, которые постепенно все дальше на юг продвигались по Дикому полю. Попытки прекратить вылазки крымцев с помощью дани в форме подарков ни к чему не приводили: подарки принимались — набеги продолжались.

Первое значимое выступление против Османов произошло в 1637 г.: «донские казаки дерзким налетом захватили крепость Азов в устье Дона. Приписывать акцию одной казачьей удали не имеет смысла, хотя удали было предостаточно. Казачий круг обратился к царю Михаилу с прошением принять крепость в число своих владений, справедливо отмечая, что „с того же града Азова чинитца многие пакости Российскому государству“, так что интересы державы были донцам не чужды». (В. Н. Виноградов, там же)

В боярской думе и посольском приказе это обращение вызвало не столько радость, сколько тревогу и опасения — казачья предприимчивость грозила серьезными международными осложнениями. Еще не все раны Смутного времени зажили, еще Смоленск не вернулся в состав российских владений, а тут атаманы провоцируют ссору с Турецкой империей. На созванном Земском соборе возобладало мнение благоразумных и умеренных. Пять лет посольский приказ вел с Османами переговоры. Казаков задобрили порохом, ружьями и сукном на кафтаны, и они покинули полуразрушенный Азов.

Как отмечает петербургский исследователь К. А. Жуков (Восточный факультет СПбГУ), ключевыми событиями, определившими конфликтный («конфликтогенный», по выражению автора) путь развития отношений между Россией и Портой, явились два крупнейших геополитических события второй половины XVII века. В частности, воссоединение России с Украиной в 1654 году и разгромом турок под Веной в 1683 году. (К. А. Жуков «Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв.», Вестник Санкт-Петербургского Университета, Сер. 13, Вып. 2, 2009 г.)

Что касается итогов Переяславской Рады для отношений России и Порты, то передвижение границы Европейской части России на юг привело к прямому соприкосновению Москвы и Бахчисарая, который являлся вассалом Порты. Поэтому набеги татар уже были направлены

непосредственно на российские земли и наносили ущерб подданным российского государя. Это давало Кремлю повод для проведения наступательных операций против крымских владений в Крыму. До этого военная политика России на юге носила оборонительный характер.

«Еще в результате русско-турецкой войны 1676–1681 гг. были установлены (впервые в истории) территориальные границы между Россией и Османской империей: границей стал Днепр, Киев был закреплен за Россией. Особой статьей Бахчисарайского перемирия 1681 г. обеспечивалось право русских паломников беспрепятственно посещать Святые Места в Палестине», — отмечает в своей статье К. А. Жуков.

А вот как описывается обстановка конца XVII века в «Военной энциклопедии»: «Постепенный ростъ Московскаго государства, упроченіе внутренняго единства и увеличеніе военной мощи позволили Россіи поставить на очередь вопросъ о перемѣщеніи своей южной границы къ ея естественному рубежу на Черноморскомъ побережьѣ. Дѣйствуя съ большою настойчивостію, послѣдовательностію и осторожностію, московская Русь передвинула шагъ за шагомъ границу на ю., къ Бѣлгородской чертѣ, закрѣпила пройденное пространство устройствомъ оборонительныхъ линій и колонизаціей южныхъ окраинъ, сосредоточила тамъ же главную массу своихъ вооруженныхъ силъ, а во вторую половину XVII вѣка уже вступила въ борьбу съ Турціей и авангардомъ ея — Крымомъ. Но ни Крымскіе походы кн. В. В. Голицына, ни Чигиринскіе походы не привели къ положительнымъ результатамъ и турецкій вопросъ, оставшись неразрѣшеннымъ, былъ переданъ въ наслѣдіе дѣтелямъ XVIII вѣка». (Военная энциклопедия: / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. — СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911—1915).

Значение же Венской битвы (11 сентября 1683 года) заключается в том, что она стала переломным событием в трехвековой борьбе государств Центральной Европы против Османской Порты, которая впервые потерпела такое крупное поражение. В результате этой победы лидер коалиции («Священная лига» в составе Австрии, Венеции и Польши, к которым позднее присоединилась и Россия), Австрия превратилась в самую мощную центральноевропейскую державу, а Порта была вынуждена уступить ей южную Венгрию и Трансильванию.

Комментируя Венскую битву и Карловицкие мирные договоры (1699 г.), которые подвели итог 16-летней войны между «Священной лигой» и Османской империей, М. С. Мейер подчеркивает, что «Порта впервые была вынуждена пойти на территориальные уступки в Европе. Тем самым обозначилось начало нового этапа в османской истории». (М. С. Мейер «Османская империя в XVIII веке», Москва, Наука, Главная редакция

восточной литературы, 1991 г., стр. 8)

Эта война, которая по выражению В. Н. Виноградова стала «последним крестовым походом христианской Европы», воспринималась западными странами как триумф. Однако, несмотря на то, что в целом неудачные крымские походы России 1687 и 1689 годов все же сумели блокировать 100-тысячную кавалерию Крымского ханства и тем самым облегчили положение союзников, Россия получила ничтожно малый бонус. Турция по перемирию, заключенному к тому же лишь на два года, теряла Азов. Поэтому Москве пришлось сразу же браться за решение вопроса о заключении прочного мира на более продолжительный срок.

Девять месяцев длилась трудная миссия думных дьяков А.Украинцева и И.Чередеева в Стамбуле. Им пришлось столкнуться с бесконечной волокитой и выслушивать высокомерные заявления османов: «Аллах создал турок со всеми творить войну и побеждать мечом». Попытка добиться свободы судоходства по Черному морю натолкнулась на резкий отказ: «По Черному морю иных государств кораблям ходить будут свободно тогда, когда Турецкое государство падет и вверх ногами обратится». (цитируется по В. Н. Виноградов, стр. 99-100)

Не удалось склонить оппонентов к передаче России днепровских городков, занятых ее войсками уже после взятия Азова. Украинцев аргументировал: здесь сподручно сопротивляться набегам крымцев. Ему отвечали: еще сподручнее использовать оные городки как базу для нападения на Крым. Договорились на том, что городки подлежат срытию. Земли от Перекопа до Азова и от Запорожской сечи до Очакова сохранялись «пустые и порожние и всяких жильцов да лишены будут»³. Удалось избавиться от унижительной дани Крымскому ханству. Правда, глава турецкой делегации, великий драгоман Порты грек А. Маврокордат, советовал «подарки» время от времени все же делать, ибо «и псов кормят же, чтобы сыты были и голодом не издыхали», предрекая, что избавиться от «поминков» все же не удастся. (В. Н. Виноградов, стр. 100)

{tmsr1}

1.2 Петровская эпоха

События второй половины — конца XVII века создали благоприятную внешнеполитическую конфигурацию, в рамках которой Петр I Великий (царь с 1682 г., правил с 1689 г.; в 1721–1725 гг. — первый российский император) приступил к территориальной экспансии на юг. Ближайшей целью Петра I было обеспечение выхода России к Черному морю и прекращение набегов

на русские земли со стороны Крымского ханства.

«Явившийся на рубеж? двухъ стол?тій Петръ I, изъ числа вопросовъ вн?шной политики, прежде всего р?зко выдвинулъ впередъ вопросъ турецкій и сосредоточилъ на немъ преимущественное вниманіе; посл?дствіемъ этого вниманія и явились *Азовскіе походы* 1695—96 гг. Воспользовавшись т?мъ, что союзники Россіи, Польша и Австрія, договарившіяся съ Турціей объ условіяхъ мира, не принимали во вниманіе интересовъ Россіи, Петръ открылъ непосредственные переговоры съ крымскимъ ханомъ, требуя платежа дани, свободнаго плаванія русскихъ судовъ въ Азовскомъ и Черномъ моряхъ и прекращенія наб?говъ. Татары оспаривали предложенныя условія и затянули переговоры до 1694 г., когда Царь р?шилъ, наконецъ, добиться исполненія своихъ требованій силою оружія. Главнымъ предметомъ д?йствій былъ выбранъ Азовъ, взятіе котораго давало Россіи выходъ въ Азовское море, предоставляло возможность построить морской флотъ и создать кр?пкій исходный пунктъ для дальн?йшихъ д?йствій противъ Крыма и Турціи; для отвлеченія же вниманія противника въ сторону отъ А. р?шено было приб?гнуть къ демонстраціи. 20 янв. 1695 г. въ Москв? былъ объявленъ сборъ ратныхъ людей стараго строя къ Б?лгороду и С?вску „для промысла надъ Крымомъ“.» (*Военная энциклопедия: / Под ред. В. Ф. Новицкого и др. — СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911—1915*).

Результаты азовских походов и присоединение в 1686 году к «Священной лиге» победителей в Венской битве (Австрия, Польша Венеция) были реализованы при заключении в 1700 году «Константинопольского мира». Согласно этому документу Россия закрепила за собой город-крепость Азов, завоеванный ею в 1696 году, с прилегающими территориями и наконец, формально прекратила выплату дани Крымскому хану. Стороны обязались не строить новых укреплений в пограничной полосе, не допускать вооруженных набегов. Турция должна была освободить русских пленных.

Важнейшим для России моментом политическим моментом был нейтралитет Турции, который, согласно Договору, она обязывалась соблюдать, что позволило Петру I более или менее спокойно вступить в северную войну со Швецией.

Россия также приобрела право иметь в Константинополе своего постоянного посла, пользующегося одинаковыми правами с послами других дружественных Турции держав.

Первым, как отмечает К. А. Жуков, постоянным русским послом в Турции был назначен П. А. Толстой. Посол составлял ежедневные отчеты — «статейные списки», которые затем представлялись

во внешнеполитическое ведомство российского государства — Посольский приказ (1549–1720). Своё название отчеты получили по причине того, что по установившейся практике русские послы перед своим отъездом получали письменные инструкции с отдельными вопросами («статьями»), на которые по возвращении из-за границы должны были представлять подробные ответы («отписки»). Статейные списки П. А. Толстого — одни из последних документов такого рода в истории российской дипломатии. В дальнейшем их заменила регулярная ведомственная почтовая переписка.

Однако, заключенный сроком на 30 лет «Константинопольский мир» соблюдался сторонами лишь до ноября 1710 года, когда Порты объявила России войну. Одним из поводов для неё был резкий ультиматум, предъявленный султану послом П. А. Толстым о выдаче России беглого шведского короля Карла XII и предателя гетмана Мазепы. Немаловажным моментом был и союз Крымского хана Девлет II Гирея с Филиппом Орликом, который стал преемником Мазепы у мятежных запорожцев. Таким образом, Порту подталкивали к войне и Карл и Крымский хан.

Армия фельдмаршала Б. П. Шереметева с участием самого Петра I была окружена на реке Прут у местечка Станилешти превосходящими турецко-татарскими силами. (38 246 русских солдат и офицеров плюс 5 тыс. добровольцев из Молдавского княжества против 120-тысячного турецкого войска и 75 тыс. крымских конников).

Петр I пошел на большие жертвы в пользу турок и шведов: он был готов оставить не только Азов, но даже Таганрог и почти все завоеванное в Прибалтике, лишь бы сохранить доступ к Балтийскому морю и Петербург. 11(22) июля он отправил уполномоченному на переговоры в турецком лагере П. П. Шафирову записку: «Ставь с ними на все, что похотят, кроме шклафства (плена), и дай нам знать конечно сего дни, дабы свой десператный путь могли, с помощью Божьей, начать». В случае турецкого отказа решено было прорываться. *(цитируется по В. Н. Виноградов, стр. 100)*

Опытный дипломат, Шафиров сумел договориться с Балтаджи пашой, хотя и на тяжелых, но все же более сносных условиях. По подписанному 12(23) июля условиям Россия теряла Азов, обещала скрыть Таганрог и Каменный затон, отказывалась от вмешательства в польские дела и гарантировала безопасный проезд королю Карлу XII в Швецию. Петр немедленно утвердил договор. Он был безмерно тяжел для России, означал отказ от всех преимуществ, завоеванных в Азовских походах. Отношения с Высокой Портой стали напоминать, существовавшие при царе Алексее Михайловиче.

Путь домой выдался для поредевшей армии Шереметева воистину

десператным, солдаты от жары, усталости и голода умирали сотнями. Общие потери похода составили 13 тыс. человек.

Но не одни тяжелые воспоминания оставила эта драма. В бумагах Петра Великого появились формулировки, определившие балканскую политику России на десятилетия и века вперед. В обращении к христианам полуострова от 8(19) мая 1711 г. он свидетельствовал: «В сей войне никакого властолюбия и распространения областей своих и какого-либо обогащения не желаем, ибо и своих древних и от неприятелей своих завоеванных земель, городов и сокровищ по Божьей милости предостаточно имеем».

Здесь, как отмечает В. Н. Виноградов, проступала мысль о территориальной насыщенности России. Далее шел постулат о возрождении под российским покровительством ликвидированной османскими завоеваниями государственности балканских христиан: «Позволим под нашею протекциею избрать себе начальников от народа своего и возвратим и подтвердим их права и привилегии древние, не желая себе от них никакой прибыли, но содержа их яко под протекциею своею». Не к захватам и завоеваниям стремилась Россия, а к освобождению находившихся под османским бременем христиан. (цитируется по В. Н. Виноградов, стр. 100)

Одним из немногих ценных приобретений той военной кампании, как отмечает К. А. Жуков, явился переход на сторону Петра I молдавского господаря Дмитрия Кантемира (1673–1723), который стал советником царя по турецким делам.

Действительно, высокообразованный молдавский господарь, Д. Кантимир оказался чрезвычайно полезным человеком для своей новой родины. При его участии была создана первая в России типография с арабским шрифтом. В этой типографии в Астрахани в 1722 г. во время Персидского похода Петра I на османском языке был отпечатан манифест русского императора. В Петербурге Д. Кантемир написал несколько книг, посвященных Востоку: сочинения по турецкой музыке, исламу и истории Османской империи.

Особо известно сочинение Д. Кантемира «Incrementa atque decrementa aulae Othomanicae» (Возвышение и падение дома Османов), популяризации которого способствовал его талантливый сын Антиох — дипломат и поэт, основоположник русской сатиры. Интересно, что в особняке, построенном для Д. Кантемира в Санкт-Петербурге архитектором Б. Ф. Растрелли, спустя много лет, непосредственно перед Первой мировой войной располагалось посольство Османской империи.

1.3 Реванш Анны Иоанновны

После непродолжительных мирных царствований Екатерины I и Петра II обстановка в отношениях между Россией и Портой вновь стала накаляться. Планы новой войны с Османской империей возникли в окружении императрицы Анны Иоанновны (1730–1740). Идеологом реванша выступил фельдмаршал Миних. Предварительно были заключены союзы с Австрией и Персией, которой Россия вернула территории на побережье Каспийского моря, захваченные Петром I во время Персидского похода.

Объективно эта война стала продолжением долгосрочной стратегии России по приобретению свободного выхода к Черному морю. Формальным поводом же для войны 1735–1739 гг. стали набеги крымских татар на Украину и поход против персов крымского хана Каплан-Гирея, вторгшегося по пути на Кавказ в Кабарду.

Момент для начала войны был выбран удачно: Османская порта была истощена кровопролитной войной с Персией (1730–1736 гг.), и вести войну на два фронта было выше её сил.

В 1736 г. русские войска вошли в Крым и сожгли столицу хана г. Бахчисарай, одновременно ими был взят Азов.

За время войны Россия провела пять кровопролитных кампаний, дважды ее войска врывались в Крым. Гирей избегал сражений, натиска регулярных войск орда не выдерживала. Однако палящее солнце и засуха становились причиной конского падежа. Армия утрачивала кавалерию и артиллерию. Дважды армию выводили с полуострова. Когда командующего спросили о причинах эвакуации, он ответил, что хотел сохранить войско.

Россия провела пять кровопролитных кампаний, дважды ее войска врывались в Крым. Гирей избегал сражений, натиска регулярных войск орда не выдерживала. Однако палящее солнце и засуха стали причиной конского падежа. Армия утрачивала кавалерию и артиллерию. Дважды армию выводили с полуострова. Когда командующего спросили о причинах эвакуации, он ответил, что хотел сохранить войско.

Кампания 1738 г. выдалась совсем неудачной. В пограничье, вдоль реки Днестр, солдат выкашивали инфекционные болезни. Генерал Б. Х. Миних жаловался: «Нет кормов в достаточном количестве, везде глухие и пустые горы и буераки, а какие деревни и были, то татары разоряют и разгоняют обывателей, нельзя доподлинно знать, где взять воды и фуражу и миновать трудные дефилеи». (Цитируется по В. Н. Виноградов, стр. 101)

В 1737 г. войну Турции объявила Вена, однако разбитые в пух и прах австрийцы в 1739 г. заключили с Турцией сепаратный мир. Несмотря на успехи армии Миниха в Молдавии (взятие крепости Хотин и города Яссы), Россия не решилась вести боевые действия в одиночку и при посредничестве Франции также пошла на заключение мира. Однако прекращению военных действий предшествовала победа Миниха под Ставученами. В 1739 г. было решено предпринять наступление на главном балканском направлении. Переправившись с войсками через Днестр, Миних у местечка Ставучены разгромил 90-тысячное войско сераскера Вели паши, потеряв всего 100 солдат и офицеров. Турецкий гарнизон крепости Хотин сложил оружие.

Население Молдавского княжества встретило русских воинов как освободителей. Боярство и высшее духовенство еще в 1737 г. обратились к императрице Анне Иоанновне с прошением освободить их от «тяжелого ига турецкого» и принять в российское подданство, «поколику османы замучили их» суровостью варварскою, «ругая чистую и непорочную нашу православную веру, и другими тягчайшими и несносными угнетениями». Столица Яссы встретила русское воинство колокольным звоном.

Миних высказался за «удержание сей земли». Но тут подоспели вести о капитуляции австрийских союзников. Посланник в Вене Л. Ланчинский изъяснялся без дипломатических околичностей: «Вскрылось зло гнило и неслыханно таково, что добрая союзническая верность и здешнего двора честь повреждена и репутация оружия ногами попрана». *(цитируется по В. Н. Виноградов, стр. 101)*

Еще раньше заключение мира в 1739 г. не обошлось без участия французов. По причинам, с точки зрения здравого смысла, необъяснимым посредником в переговорах императрица Анна Иоанновна назначила французского посла в Стамбуле Л. Вильнева, который, судя по договору (срамном, по оценке Б.Х. Миниха), усердствовал во имя интересов не российских, а французских.

По Белградскому мирному договору 1739 г. Россия вернула себе Азов и вновь получила право иметь своего постоянного дипломатического представителя в Константинополе. Однако Большая и Малая Кабарда, которые ранее находились под покровительством России, были признаны независимыми.

Франция же в 1740 г. за свою посредническую миссию была вознаграждена султаном новыми торговыми льготами — «вечными капитуляциями». В том же году появляется и султанский фирман, который службу в почитаемых храмах Иерусалима и Вифлеема поручал католическому, т. е. французскому, духовенству, хотя ее следовало бы вести православным

священникам как представителям самой распространенной среди христиан этого района ветви христианства.

Говоря о российско-турецких отношениях в послепетровское время, нельзя не отметить роли Парижа и его дипломатии. Считается, что король Людовик XV питал какую-то необъяснимую ненависть к России и всерьез помышлял изгнать ее из Европы (так что Барак Хусейн Обама в этом отношении не оригинален). Он наставлял своего посла в Петербурге Л. О. Бретеля: «Вы знаете, и я повторяю совершенно четко, что целью моей политики в России является устранение ее, насколько возможно, от дел в Европе». В другой раз он выразился так: «Что может ввергнуть этот народ во мрак невежества, служит моим целям». Далее следовала уже мистика: он мечтал «ввергнуть этот народ в состояние хаоса и погрузить его во мрак». (Цитируется по В. Н. Виноградов, стр. 101)

Людовик всю жизнь сооружал Восточный барьер из Швеции, Речи Посполитой и Турецкой империи вокруг России. Испытывая потребность в поддержке союзников в своем противоборстве с Россией, Порты не без подачи со стороны Франции находят их в лице Швеции и Пруссии, с которыми подписывает оборонительные договоры в 1739 и 1761 годах, соответственно. Итоги этого альянса известны: Швеции пришлось расстаться со многими владениями, Польша на какое-то время вообще лишилась государственности, а султанская держава вступила в полосу упадка, из которой так и не смогла выбраться.

1.4 Екатерина II. Россия закрепились на Черном море

Новая фаза и, я бы сказал, пик противостояния России и Порты приходится на царствование Екатерины II (1762 — 1796), когда в результате двух победоносных войн, а также активной политико-дипломатической деятельности Российская империя окончательно закрепились на побережье Черного моря. Характерной чертой этого периода была еще более тесная взаимосвязь российской политики на южном и западном направлениях.

Однако прежде чем перейти к делам военным представляется полезным обратить внимание на два момента.

С одной стороны, когда принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербтская в результате переворота стала императрицей Екатериной II Алексеевной, она столкнулась, выражаясь современным языком, с кризисной ситуацией. Казна — практически пуста, 150 тысяч монастырских крестьян «отложились от послушания», флот, особенно военные корабли — едва держатся на плаву. Крепости — разваливаются,

армия — тоже в ужасном состоянии.

Поэтому очевидно, что молодая императрица мечтала хотя бы о пяти мирных годах. В ноябре 1763 г. она направила в посольства и миссии циркулярную депешу, в которой говорилось: «Намерения нашего никогда не было, да и нет в том нужды, чтобы стараться к расширению империи нашей. Она и без того пространством своим составляет нарочитую часть земного круга». (*Век Екатерины II. Дела балканские. М., 2000, с. 230*). Чтобы не злить турок, прекратили строительство крепости Св. Дмитрия (Ростов-на-Дону).

С другой стороны, к середине XVIII века в России уже было ясно, что выход к Балтийскому морю не обеспечивал круглогодичный вывоз товаров: зимой море покрывается льдом. По чистой воде отсюда отправляли лес, руды, чугун, пеньку, холсты. А урожай юга страны перевозился на лошадях, что обходилось тогда в 50 раз дороже, чем по воде, на парусах.

В 60-е годы на заседании Вольного экономического общества был зачитан доклад, в котором говорилось: все земли к югу от линии Смоленск — Кострома — Воронеж заинтересованы в сбыте своей продукции через Черное море. А в перспективе основной экспортной культурой страны становилось зерно. (*В. Н. Виноградов, стр. 102*)

Однако по договору 1739 г. России не могла иметь каких-либо судов ни на Черном, ни даже Азовском морях. Султаны бдительно сторожили Босфор от появления судов под Андреевским флагом, оберегая британское морское господство. Но ведь английская дипломатия недаром славится своей предусмотрительностью. Не надо ждать, пока гроза грянет, следует создать неформальный, не скрепленный договорными узами, но реально существующий на базе общих интересов блок с султанской державой и с покровительствуемым ею Крымским ханством. (*В. Н. Виноградов, стр. 102*)

Первая за годы правления Екатерины II война с Портой (далее — русско-турецкая война) проходила в 1768–1774 годах.

Считаю полезным заметить, что эта война явилась классическим примером того, как могут влиять на двусторонние отношения «третья сторона». В нашем случае, к каким событиям интриги европейских стран привели евразийские империи.

Хотя формально инициатором этой войны была Османская империя, которая официально объявила войну России, Порту фактически втянули в конфликт,

который привел её к поражению.

Как отмечают российские военные историки, войне предшествовала сложная европейская дипломатическая игра, которую вели друг против друга Россия и Франция, а также политический кризис в Польше. (Сайт «Российская армия» <http://russianarmy.mybb.ru/viewtopic.php?id=515>).

Следует не забывать, что на основании договоров с Портой Россия обязывалась не вмешиваться в польские дела и не вводить свои войска в пределы Речи Посполитой. Но в конце сентября 1763 года в Польше умер король Август III и начались обычные для этой страны партийные разборки, поскольку в те времена королевский пост был выборным. В числе других стран в выборы короля вмешалась и Россия, и в 1764 году был избран её кандидат — Станислав Понятовский.

Однако борьба партий продолжалась и после избрания короля, обстановка все более накалялась, и русские войска были введены в Польшу для удержания у власти избранного монарха, в котором была лично заинтересована Екатерина II. Масла в огонь подливал и русский посланник в Варшаве, князь Репнин, который настолько энергично защищал интересы своего правительства, что на каждом шагу допускал противозаконные поступки. В конце концов, он даже арестовал несколько наиболее видных и влиятельных членов сейма.

В целях оказания противодействия русскому влиянию в 1768 году была сформирована конфедерация, вступившая в вооруженную борьбу с русскими войсками. Находясь в затруднительном положении, конфедераты обратились за помощью к Порте. Для подкупа влиятельных лиц в Константинополе и формирования, как сейчас говорят, антироссийского лобби были собраны значительные средства. Французское правительство деятельно поддерживало ходатайство поляков и употребляло всевозможные меры, чтобы поссорить Турцию с Россией.

Долгое время эта политика не давала результатов. Французское правительство было недоволено деятельностью своего посла Вержена и отправило ему в помощь Сен-При, а затем и особого агента Толея. Он-то и уговорил конфедератов уступить Турции Волынь и Подолию в том случае, если она окажет помощь Польше. Это стало тем предложением, «от которого невозможно было отказаться».

Следует отметить, что противоборство двух дипломатов, российского посла А. М. Обрескова и французского -Ш. Г. Вержена за влияние на позицию Порты продолжался с переменным успехом ни один месяц. Для придания «лестным блеском золота» большей убедительности речам русского резидента в Стамбуле о мире, ему направили 70 тыс. рублей. На долю реис

эфенди (министра иностранных дел) пришлось 3 тыс. червонцев (т.е. 30 тысяч рублей), и он вроде бы поверил речам российского представителя, который заверял его в полном отказе от вмешательства в польские дела.

Но французский посол Ш. Г. Вержен добился смещения этого сановника. Король Людовик похвалил своего представителя за ретивость: «Единственной целью Ваших усилий должно быть вовлечение турок в войну», которая не заставила себя ждать. Возникшие было у императрицы надежды: «С помощью Божьей на сей раз мимо пройдет» — не сбылись. Без поддержки со стороны реис эфенди заверениям Обрескова перестали верить.

Поощряла Порту к войне с Россией и Австрия. На основе двустороннего соглашения Вена обязывалась оказать Константинополю экономическую и военную помощь. За это Османская империя выплатила своему союзнику 3 миллиона пиастров. Но австрийцы по «доброй традиции» не выполнили своих обязательств. Они не только не оказали военной и экономической помощи, но и дипломатической поддержки. Деньги же Вена оставила себе.

Непосредственным предлогом для войны был по сути дела незначительный инцидент. Во время боевых действий против Барской конфедерации, отряд находившихся на российской службе казаков, преследуя польские повстанческие силы, вошёл в город Балта, вторгнувшись, таким образом, на территорию Османской империи.

6 октября 1768 года османский великий визирь пригласил к себе российского посла Обрескова, обошёл с ним оскорбительно и прямо с аудиенции отправил его в заключение в Семибашенный замок. Порта обвиняла в разрыве Россию. Россия, по её словам, неоднократно нарушала заключённые трактаты, строила крепости вблизи границ Турции, вмешалась в дела Польши, стремясь ограничить вольности поляков и способствуя избранию на престол «человека из числа офицеров, недостойного быть королём, и из фамилии и предков которого никто не был королём»; Да еще (вот уж не кстати) русские войска разорили Балту.

13 ноября 1768 г. царица известила иностранные дворы, что «противу истинной склонности своей» намерена добиться «полного и публичного удовлетворения». В январе 1769 г. крымская конница лавой устремилась на Украину, сжигая, уничтожая и истребляя все на своем пути. Никто тогда не предполагал, что это — последний набег крымчан. В Центральной России в это время — «чумной бунт» в 1771 г. в Москве, в следующем году — волнения на Дону, затем — Пугачевское восстание. Не проходила тревога, что в войну вмешается Швеция, король которой, Густав III, приходился двоюродным братом Екатерине по матери. Кузен рассчитывал на получение

французских субсидий. Но король Людовик растратил к тому времени казну, и шведы не выступили. (В. Н. Виноградов, стр. 103)

Зима 1768 года прошла в приготовлении к военным действиям. Помимо традиционной подготовки войск и тылов для будущих боевых действий Петербургом был предпринят ряд действий, которые в наше время относят к категории «тайных операций» и «психологической войны».

Вот только один пример, этой деятельности, который описан на сайте «Российская армия». Из районов Балканского полуострова до российского стали доходить вести о готовности балканских христиан поднять восстание против Турции. 19 января 1769 года Екатерина II велела напечатать воззвание на славянском и греческом языках к балканским христианам, обнадеживая их и призывая к восстанию. Подполковник Даразин, этнический болгарин, находившийся в русской службе, переделался в платье странника-нищего и распространял воззвание, которое было у него спрятано в посохе и в корешке псалтыри. Воззвание оказало своё действие. Начавшись в Черногории, восстание христиан разлилось по Албании, Боснии, Герцеговине и Македонии. Что отвлекло определенные силы и средства армии османов от основных театров военных действий. (Сайт «Российская армия» <http://russianarmy.mybb.ru/viewtopic.php?id=515>)

Как мне представляется, подробное описание этой войны, выходят за рамки этой работы. Поэтому ограничусь лишь некоторыми замечаниями.

Военные действия начались зимой 1769 года с набега на Украину 70-тысячной конной армии крымского хана Крым-Гирея. Этот натиск был отражен русской армией, которой командовал фельдмаршал П.А. Румянцев-Задунайский. Отряды хана, захватив до 2 тыс. пленников, угнав скот и разрушив свыше тысячи домов, вернулись в свои владения. Кстати, это было последнее крымское нашествие в истории России.

В целом же, как отмечает К.А.Жуков, в результате русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Россия становится Великой державой. «Победа была добыта совокупными усилиями на военном, дипломатическом (союз с Англией) и пропагандистском (поддержка „философов“) фронтах». (К. А. Жуков «Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв.», Вестник Санкт-Петербургского Университета, Сер. 13, Вып. 2, 2009 г.)

Впервые в истории русско-турецких войн в боевых действиях принял участие русский флот. В обход Европы в Средиземное море было направлено 5 эскадр, в результате чего был уничтожен турецкий флот

в Чесменской бухте (1770) и установлен контроль над Архипелагом. В полевых сражениях победы обеспечивались передовой тактикой и превосходством артиллерии, которые в полной мере использовал талантливый полководец П. А. Румянцев.

Итоги войны были подведены в Кючук-Кайнарджийском мирном договоре 1774 г.

Кючук-Кайнарджийский договор имел важные последствия во многих областях. В частности, на основе взаимности были признаны права духовного покровительства султана-халифа над крымскими татарами — с 1783 г. мусульманскими подданными Российской империи, и российской императрицы — над православными подданными османского султана; при этом договор обязывал Турцию применять в отношении российских монархов императорский титул (падишах).

Семь статей договора касались различных вопросов защиты прав и интересов православных христиан Османской империи. Формулировки ряда статей давали простор для распространительных толкований, что вызвало сильное беспокойство в дипломатических кругах Англии и Франции, поскольку фактически Россия могла претендовать на статус единоличной покровительницы христиан в Турции. Однако это положение было утрачено по Парижскому трактату 1856 г.

Следствием Кючук-Кайнарджийского договора явилось не только восстановление позиций российской дипломатии в самом Константинополе (ранг русского представителя в Константинополе повышался до посланника), но и учреждение сети российских консульств в османских провинциальных городах (Смирне, Бухаресте, Трабзоне и др.).

Договор признал за русскими подданными права на капитуляционные льготы, которыми издавна пользовались в Османской империи подданные Англии и Франции. Россия получила свободу торгового мореплавания в Черном море, а ее торговые суда — право беспрепятственного прохода через Проливы. Более полно взаимные обязательства были прописаны в русско-турецком торговом договоре 1783 г., по которому Россия получила права наиболее благоприятствуемой нации.

Крымское ханство получило независимость от Османской порты. Города Керчь и Еникале переходили к России, что обеспечивало ей свободный выход в Черное море. К России также отошли Большая и Малая Кабарда. Начатые в независимом Крыму вестернизаторские реформы хана Шагин-Гирея ввергли страну в хаос, что поставило Екатерину II перед

необходимостью объявить в 1783 г. о присоединении Крыма. Затем под покровительство России перешла и Восточная Грузия (по Георгиевскому трактату 1783 г.).

Договор был очень невыгоден для Турции и уже одним этим не обеспечивал более или менее продолжительного мира. Порта всячески старалась уклониться от точного исполнения договора — то она не платила **контрибуции**, то не пропускала русские корабли из Архипелага в Чёрное море, то агитировала татар в Крыму, стараясь умножить там число своих приверженцев.

Несколько слов о Крымском вопросе, тем более, что сейчас тема полуострова в моде.

Летом 1771 г. при поддержке Азовской флотилии Крым был занят. И встал вопрос, что же с ним делать. Совет при высочайшем дворе, обсудив крымский вопрос, четко обозначил свою позицию: «Крымские татары по их свойству и положению никогда не будут полезными подданными е. и. в.». Екатерина эту точку зрения разделяла. В частности она опасалась, что в случае присоединения полуострова ее станут обвинять в «беспредельном намерении умножения своих областей», остерегаться чего «благоразумие научает».

Однако в Петербурге понимали, что Крым занимает господствующее стратегическое положение в Черном море. Поэтому было решено провозгласить независимость ханства. Подразумевалось при этом, что оно будет проявлять лояльность к Российской державе. В договоре от 1 ноября 1772 г. об этом говорилось однозначно: ханство обязывалось «против России никому ни в чем и ни под каким претекстом помощи не оказывать». Решение Совета при высочайшем дворе гласило: «Велико и знатно может быть приращение силе и могуществу российским, если они (татары. —В.В.) отторгнутся от власти турецкой». Нужно не присоединение Крыма, а стратегический контроль над ним.

Поскольку в Крыму стояли русские войска, Петербургу не стоило труда провозгласить его независимость. Никому тогда в голову не пришло, что вопрос погружается в омут противоречий, из которого его придется вытаскивать десять лет. (В. Н. Виноградов, стр. 104)

Россия согласилась на то, чтобы крымские татары признавали власть султана, как главы магометанского духовенства. Это дало султану возможность оказывать на татар и политическое влияние. **Сахиб II Гирей**, возведенный в ханское достоинство Долгоруким в **1771 году**, не пользовался

расположением крымского народа, особенно за своё стремление к европейским реформам.

В марте [1775 г.](#) он был свергнут партией, которая стояла за зависимость Крыма от Турции. На его место был возведен [Девлет IV Гирей](#). Выбор этот был не в интересах России, и последняя стала поддерживать своего кандидата, брата Сахиба Гирея — [Шахина Гирея](#). В частности, ему единовременно выплатили 50 тысяч рублей и назначили ежегодную пенсию в размере 1000 рублей в месяц (весьма немалые в те времена деньги).

Борьба Девлета IV Гирея со сторонниками России в Крыму, а также военные приготовления Турции, которая начала стягивать войска к Бендерам и Хотину и готовить флот к высадке в Крыму, привели к тому, что Екатерина II приказала в [1776 году](#) Румянцеву двинуть часть войск в Крым. Целью этой операции было свержение Девлета Гирея и провозглашение ханом Шахина Гирея.

В ноябре [1776 г.](#) князь Прозоровский вступил в Крым. Девлет Гирей бежал в Турцию, а [Шахин Гирей](#) весной [1777 г.](#) был объявлен ханом всех татар.

Новый хан не мог пользоваться расположением подданных. [Деспот](#) от природы, расточительный Шахин Гирей обирал своих подданных. К тому же в Крыму началось строительство православных церквей, что вызвало резко негативную реакцию мусульманских лидеров. Одним словом, на полуострове копилось недовольство. Случай выплеснуть его представился, когда Шахин Гирей стал формировать в Крыму регулярное войско по западному образцу, оно-то и погубило хана. Среди вновь образованного войска вспыхнул мятеж.

Турция воспользовалась этим, и изгнанный Долгоруковым в [1771 году](#) [Селим III Гирей](#) вернулся в Крым и был провозглашен ханом. В помощь ему Турция отправила 8 кораблей. Екатерина после этого приказала Румянцеву восстановить власть Шахина Гирея и прекратить мятеж. Исполнение этого приказа было поручено снова князю Прозоровскому, который принудил мурз [6 февраля 1778 года](#) явиться с покорностью к Шахину Гирею.

Вскоре произошёл переворот и в Константинополе. Великим визирем был назначен человек миролюбивого характера, и [10 марта 1779 года](#) с Турцией была подписана конвенция, которой подтверждался Кучук-Кайнарджийский договор и Шахин Гирей признавался ханом. После этого русские войска ушли из Крыма и остановились в ожидании дальнейших событий на границах.

Власть нелюбимого народом Шахина Гирея была непрочна. В июле **1782 года** против него опять вспыхнул мятеж, и хан вынужден был убежать в Керчь. Турки же заняли **Тамань** и стали угрожать переправой в Крым. Тогда командовавший русскими войсками на юге Потемкин поручил своему двоюродному брату **П.С.Потемкину** оттеснить турок за Кубань, **А.В.Суворову** — усмирить ногайских и буджакских татар, а графу **де-Бальмену** вступить в Крым и водворить там спокойствие.

Шахина Гирея Потемкин убедил отказаться от власти, передав её в руки русской императрицы. Русские войска были сосредоточены немедленно на турецких границах, военный флот появился на Чёрном море, а **8 апреля 1783 года** был издан манифест о присоединении к России Крыма, **Тамани** и кубанских татар.

Турция принуждена была покориться этому, и султан в декабре **1783 г.** официальным актом признал присоединение Крыма, Тамани и **Кубани** к России. Общественное мнение в Турции было настроено против этого, усилились и антироссийские настроения в обществе. Все громче стали высказывания против политики престарелого султана **Абдул-Хамида I**. Турецкое правительство искало повода к разрыву с Россией.

Ахалцыхский паша уговаривал грузинского царя **Ираклия II** уйти под покровительство Порты; когда же тот отказался, то паша стал организовать систематические набеги на земли грузинского царя. До конца **1786 года** Россия ограничивалась только письменными заявлениями по поводу, конфронтационной политики порты, которые она большей частью игнорировала.

В конце 1786 года Екатерина II решила действовать более твердо. Потемкину было поручено руководить войсками и предоставлено право действовать по своему усмотрению. Русскому посланнику в Константинополе, **Булгакову**, было поручено потребовать от Порты:

1. чтобы границы царя грузинского, как подданного России, никогда не беспокоились турками;
2. чтобы беглые русские не оставались в Очакове, а отсылались за Дунай
3. чтобы кубанцы не нападали на русские границы.

Представления Булгакова не имели успеха, а Порта, со своей стороны, выдвинула встречные требования. В частности она хотела, чтобы русское правительство вовсе отказалось от Грузии, уступило 39 соляных озёр близ

Кинбурна и предоставило Порте право иметь своих консулов в русских городах, в особенности же в городах Крыма. Касались требования и сферы двусторонней торговли, в частности Порты настаивала, чтобы турецкие купцы платили пошлины не более 3%, а русским купцам запрещалось самостоятельно вывозить из Турции произведенные там товары, а также иметь на своих судах турецких матросов. Так как Порты требовала срочного ответа на свои требования, то вектор развития обстановки был очевиден.

Не дождавшись ответа от Булгакова, Порты предъявила новое требование — отказаться от Крыма и вернуть его Турции, а также признать недействительными все договоры, касающиеся российского суверенитета над полуостровом. Когда Булгаков отказался принять подобный демарш, он был арестован и заключён в Семибашенный замок. Эти действия были равноценны объявлению войны. И обе страны стали деятельно готовиться к следующему военному противостоянию, [русско-турецкой войне \(1787-1791\)](#).

Нельзя не отметить, что, выдвигая свой ультиматум, Порты опиралась на моральную и политическую поддержку Великобритании, Франции и Пруссии. Однако дальше слов эти крупные европейские страны не пошли и в новую войну вмешиваться не стали. Россия же незадолго до начала войны успела заключить военный союз с Австрией, о чем Порты узнала слишком поздно, хотя её европейские доброжелатели своевременно были проинформированы об этом альянсе. Справедливости ради замечу, что в 1790 году, по доброй традиции «кидать» своих союзников (это было и до этой войны и в последующий период), австрийцы заключили с Портой сепаратный мир. Так что завершать войну Санкт-Петербургу и Стамбулу пришлось один на один.

Через неделю после объявления войны, начавшейся 13 (24) августа 1787 года, турецкая флотилия атаковала два русских судна, стоявшие около Кинбурна, и вынудила их отступить в лиман. Но последовавшие в сентябре и октябре попытки овладеть Кинбурном были отбиты пятитысячным отрядом под руководством Суворова. Победа при Кинбурне (1 (12) октября 1787) стала первой крупной победой русских войск в этой войне. Она фактически завершила кампанию 1787 года, поскольку турки в этом году больше не предпринимали активных действий. (<http://www.encyclopaedia-russia.ru/article.php?id=591>).

Война велась при совсем ином раскладе сил, нежели предшествовавшая. Австрийский кайзер Иосиф II убедился, что он не в состоянии ни предотвратить прорыв России на Балканы, ни помешать ему. Оставалось присоединиться к России. Он вступил в союз с Екатериной, но военных успехов добиться не сумел и заключил с Портой сепаратный мирный

договор.

Однако благоприятное для России изменение позиции Австрии не могло уравновесить резкого ухудшения отношений с Великобританией. Лондон просил предоставить 20 тыс. солдат для подавления мятежных североамериканских штатов, провозгласивших в 1776 г. свою независимость. Екатерина ответила, что ее солдаты служат Отечеству, и она не сдает их в наем на роль пушечного мяса. Этого ей не простили. (В. Н. Виноградов, стр. 106)

В 1788–1790 годах на войну с Портой наложилась война со Швецией. Переданные королем условия мира ошарашивали: возвращение Швеции части Карелии, включая Кексгольм, разоружение Балтийского флота, шведское посредничество в русско-турецких переговорах о мире с условием, что Крым вернется в состав Османской империи.

Однако наступление шведских войск было повсеместно отбито, король Густав пал жертвой покушения, со Стокгольмом был заключен мир на условиях статус-кво.

В 1791 г. вырисовалась новая угроза. На помощь Турции, а по сути дела ради сохранения над христианами мусульманского владычества, собрались выступить Великобритания и Пруссия. В Портсмуте снаряжалась для похода на Балтику эскадра в 40 линейных кораблей. В конце марта премьер-министр В. Питт отправил в Берлин текст ультиматума двух держав к России с требованием отказаться от присоединения междуречья Буга и Днестра. Срок — 10 дней, в случае отказа — разрыв отношений и война.

Но Питт допустил грубейший политический промах, проигнорировав настроения в своей стране. Мало кто в ней хотел воевать ради затерявшегося в европейской глуши Очакова.

В завязавшейся дискуссии сторонники войны потерпели полное поражение. Не последнюю роль в этом словесном поединке сыграли и сотрудники российского посольства во главе с С. Р. Воронцовым. Они снабжали диспутантов материалами, рисовавшими в радужном свете извлекаемые Британией выгоды от торговли с Россией, и в самых мрачных тонах — перспективы при ее прекращении. Правда, по скромности они выступали инкогнито. Воронцов успокаивал императрицу: «Парламент сам собою, противу общей ненависти всей нации, не может поддержать никакого министра». Снаряжение флота в поход приостановилось. Ультиматум вернули с полдороги. (В. Н. Виноградов, стр. 106)

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. закончилась поражением Порты на суше (взятие Очакова, сражение при Рымнике, штурм Измаила) и на Черном море (сражение при мысе Калиакрия). В этих победах проявилась полководческая одаренность генерала А.В.Суворова и адмирала Ф. Ф. Ушакова. По Ясскому мирному договору 1792 г. границей между Россией и Турцией стала р. Днестр.

Для истории русско-турецких отношений XVIII век заканчивается первым русско-турецким оборонительным союзом 1799 г. (уже при императоре Павле I), направленным против «безбожной» Франции (в 1805 г. этот договор был подтвержден). А в 1798 г. русские военные корабли впервые получили право свободного прохода через Проливы. Совместные военные операции против французов русско-турецкого флота под командованием адмирала Ф. Ф. Ушакова привели, в частности, к освобождению о. Корфу и созданию Республики семи островов.

{tmsr1}

1.5. Не войной единой

В России победы в русско-турецких войнах вызвали всплеск патриотических настроений и рост имперского самосознания, что в известном смысле способствовало расцвету российской культуры, особенно в сфере изящной словесности. Выше мы уже отмечали ценное приобретение для России и её культуры в лице представителей рода Кантемиров. Как отмечает К. А. Жуков, интерес российского общества о жизни в Османской империи, а также его информированность по этому вопросу возрастали на протяжении всего XVIII в.

Активная переводческая деятельность способствовала тому, что в российский менталитет входили этнические и культурные стереотипы из западной научной и художественной литературы о Востоке; особенно сильным в этом плане было влияние французской просветительской литературы.

В России возникает свое, отечественное востоковедение (Дм. Кантемир, Г.-Я. Кер). В 1776 году в Петербурге и в 1777 году в Москве большими тиражами была издана знаменитая «Турецкая Грамматика» Гольдермана в русском переводе с французского.

Развитие дипломатических сношений с Турцией порождает плеяду выдающихся дипломатов екатерининской эпохи; ряд из них оставил о себе память печатными трудами, посвященными Турции. В 1797 году, уже при

Павле I, при Коллегии иностранных дел было создано специальное подразделение, отвечавшее за связи с Востоком (Азиатский департамент).

Следует отметить, что этот интерес был взаимным. Хотя в Османской империи в начале XVIII в. представления о России как о стране «Мужикистан» оставались еще на уровне «Книги путешествия» Эвлия Челеби (середина XVII в.), были и исключения. Например, османский первопечатник Ибрагим Мютефер-рика в своем трактате «Основы мудрости», изданном в 1732 г., ставит в пример успешную деятельность Петра I по вестернизации и развитию страны.

Описания-отчеты («сефарет-наме») побывавших в России османских посланников также расширяли кругозор османов. Причем исследователи (К. А. Жуков «Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв.», *Вестник Санкт-Петербургского Университета*, Сер. 13, Вып. 2, 2009 г.) отмечают, что с течением времени тон сочинений этого жанра становится все более «толерантным». Например, Мустафа Расих-паша, посетивший Россию в 1794 г., в восторженном тоне отзываясь о военной организации и административном устройстве Российской империи.

Интересным феноменом придворной османской историографии стал труд Ахмеда Джавид-бея, выполненный на рубеже веков по заказу султана Селима III (1789–1807). В двух томах этого сочинения автор собрал извлечения о русско-турецких отношениях из сочинений османских историографов от Наи-ма до Энвери. Хронологические рамки материалов, вошедших в этот труд, охватывают 1623–1799 годы. В приложении к нему дается знаменитое произведение «Сок достопримечательного» Ахмеда Ресми-эфенди — своего рода бестселлер на тему русско-турецких отношений в XVIII в., в котором автор, в частности, сравнивает порядки в российской и османской армиях во время войны 1768–1774 гг.

Часть вторая.

Победы русского оружия в войнах с Османской Портой в XVIII веке уже давно воспринимаются широкой публикой как нечто естественное, должное. Ведь Россия в тот период, получив первый решительный толчок вперед в годы царствования тишайшего Алексея Михайловича, без единого выстрела начавшего присоединять Украину, резко «набирала скорость» в своем развитии при его сыне Петре I, который активизировал проведение реформ, превративших к концу века Россию в великую европейскую и мировую державу.

Однако не следует забывать, что России противостояла реальная военно-политическая сила, мировая держава, охватывающая территории в Азии, Европе, Леванте и Северной Африке, располагающая огромными людскими и материальными ресурсами, мощной армией, флотом, которого не первых порах у России не было, а также опытными военачальниками и храбрыми солдатами.

И тогда возникает вопрос, как же так случилось, почему мощная, устоявшаяся держава не смогла достойно противостоять молодому, растущему, но еще не вполне мощному конкуренту.

2.1 Системный кризис в Османской империи

Наиболее простым ответом на этот вопрос является то, что в XVIII веке мусульманский мир в целом и Османская империя в частности переживали состояние, по выражению американского историка М.Ходжсона, «кануна потопа». В этой связи подчеркивается та «степень ухудшения материальных условий существования, внутренней политической дезинтеграции, социального и культурного застоя, которая, по мнению автора (М.Ходжсона) была характерна для крупнейших мусульманских держав позднего средневековья — Османской, Сефевидской и Могольской империй». (М. С. Мейер «Османская империя в XVIII веке», Москва, Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991 г., стр. 204).

Не будем спорить о Сефевидской и Могольской империях, но Османская империя благополучно просуществовала еще весь XIX век, повоював снова с Россией, и «протянула» еще некоторое время в веке XX-ом, прекратив свое существование лишь после первой мировой войны. Так что сравнение с библейским потопом, уничтожившим на земле все живое, кажется «перебором». Все было не так драматично.

Что же касается поставленного вопроса, то ответ на него дается в работе выдающегося отечественного тюрколога М. С. Мейера «Османская империя в XVIII веке», в которой доказательно утверждается, что в значительной мере причинами поражений Порты является системный кризис, который она переживала в тот период. И который до конца она так и не смогла до конца преодолеть.

Внимание российского исследователя к этому периоду истории империи обуславливается тем, что именно «это столетие выступает как ключевой этап на пути превращения Османской империи из крупнейшей и влиятельнейшей державы Старого света в периферийный элемент мировой капиталистической системы». (М. С. Мейер, там же, стр. 4).

Причины кризиса ученый видит в истории Порты. «Созданная на рубеже XV–XVI вв. Османская империя вскоре превратилась в одно из крупнейших государственных образований позднего средневековья и стала претендовать на роль лидера мусульманского мира в его противостоянии христианскому Западу. Подобно другим азиатским деспотиям, она представляла собой политическую общность, включавшую в свой состав более 60 народов и крупных племенных объединений, которые существенно различались как по уровню социально-политического развития, так и по своей этноконфессиональной принадлежности. Отсутствие устойчивых экономических связей между отдельными регионами империи, языковые и культурно-бытовые преграды, религиозная рознь — все это серьезно ухудшало перспективы сохранения османского общества как исторически единого организма». (М. С. Мейер, там же, стр. 3).

Автор подчеркивает, что немаловажным фактором, который осложнял развитие османского государства и перспективы его жизнеспособности, было отставание в общественном развитии господствующей народности турок-османов от завоеванных ими народов Юго-Восточной Европы и Закавказья. И хотя за два века (XVI–XVIII вв.) этот разрыв несколько сократился, турки так и не смогли встать вровень и тем более перегнать в своем развитии наиболее передовые народы, входившие в состав их империи.

Теперь непосредственно о военной области. «В первые века существования Османской державы, охватывавшей более 8 тыс. кв. км на территории Европы, Азии и Африки, её целостность удерживалась силой оружия. Однако к XVIII в. произошло резкое ослабление военного могущества империи, явно обозначившееся на фоне заметного усиления европейских держав и особенно России. Если к этому прибавить углубление социально-классовых противоречий, рост сепаратистских выступлений крупных феодалов, падение эффективности управленческого аппарата, то станут вполне понятными рассуждения многих современников о неминуемой и близкой гибели османского государства. К концу столетия подобные взгляды обрели столь широкое распространение, что их разделял, вероятно, и султан Селим III (1789 — 1808). Едва вступив на престол, он написал: „Страна погибает, еще немного, и уже нельзя будет её спасти“». (М. С. Мейер, там же, стр. 3-4).

Однако мнения о скорой кончине империи, которые разделялись не только многими в руководстве Порты, но и западными политиками, не подтвердились. Вплоть до последних десятилетий XVIII века, как отмечает М. С. Мейер, «османские правители не испытывали не испытывали серьезных потрясений и сумели сохранить контроль над своими владениями. Очевидно, что современники не могли достаточно глубоко осмыслить существо процессов, переживавшихся османским обществом,

и явно недооценивали потенциальные возможности его политических институтов». (М. С. Мейер, там же, стр. 4)

Стабильность режима и его развитие обеспечивались за счет реформаторской деятельности руководства империи. «Перестройка аграрных отношений, новые явления в городском производстве и торговом обмене, трансформация основных социальных групп и сдвиги в политической системе показывают, что все основные компоненты общественного организма не утратили способности к развитию. Разумеется, динамичность их эволюции относительна, особенно в сравнении с темпами прогресса передовых стран Европы». (М. С. Мейер, там же, стр. 204-205)

При этом российский ученый подчеркивает, что перемены в жизни общества не наступали одновременно. В первую очередь они стали проявляться в материальной сфере, т. е. производстве, а уж заметно позже — области социально-политических отношений. М. С. Мейер отмечает, что только к царствованию Селима III правящая верхушка сумела осмыслить сдвиги, происходившие как внутри империи, так и за её пределами и применительно к этим новым условиям выработать собственную программу действий. «Их предложения составили основу реформаторских начинаний, предпринятых при Селиме III и направленных на создание „низам-и джедид“ („новый порядок“ — серия военных и административных реформ, направленных на модернизацию вооруженных сил)». (М. С. Мейер, там же, стр. 205).

Добавлю, что реформаторская деятельность Селима III не начиналась на голом месте. Еще готовясь к неизбежной войне с Россией и учитывая причины минувших поражений Константинополь начал предпринимать шаги по переустройству и модернизации армии. В частности в 1760–1770 годы в империи были созданы специализированные учебные заведения для подготовки военных специалистов — артиллеристов, фортификаторов и моряков. Причем подготовка будущих офицеров велась на основе западных военных и образовательных стандартов.

Не буду углубляться в сложные социальные, политические процессы, административные и иные процессы, связанные с проведением реформ, происходивших с разной степенью интенсивности в Порте на протяжении всего столетия и, особенно, во второй его половине. Вместо этого обратим внимание на тот факт, что они «сопровождались еще большим религиозно-национальным угнетением всех групп немусульманских подданных империи. Последние ощущали этот гнет и произвол властей особенно остро, поскольку в их среде процессы социально-экономического и культурного развития шли наиболее быстрыми темпами, а к концу века среди них появились и первые представители национальной буржуазии». (М. С. Мейер,

там же, стр. 210).

Реакция немусульман на усиление общественно-политической и бытовой дискриминации была неоднозначной. Наиболее зажиточная их часть искала сближения с господствующей этнорелигиозной группой. Другие — искали покровительства иностранных, в основном западноевропейских консульств и посольств, становясь переводчиками, торговыми посредниками, прислугой иностранных представителей. Получение соответствующего документа (берата) давало его владельцу определенный иммунитет, но избавившись от притязаний властей, бератлы (лица, имеющие берат) попадали в сильную зависимость от своих христианских хозяев.

Наряду с попытками как-то приспособиться к изменившимся условиям определилось, как подчеркивает М. С. Мейер, и «принципиально другое направление, давшее мощный толчок национальному возрождению немусульманских народов, находившихся под османским владычеством». Начали звучать призывы к объединению балканских народов во имя борьбы за освобождение от турецкого ига. Показательна в плане ведения активной борьбы против владычества Порты попытка греческого населения Мореи в 1770 году. Хотя восстание было и жестоко подавлено, эта попытка продемонстрировала то, что, как отмечает российский ученый, идеи национального освобождения уже довольно глубоко проникли в сознание балканских народов.

2.2 Восточный вопрос. Европейский угол

С подъемом освободительной борьбы против турецко-османского владычества связан и другой аспект кризиса империи. «Его суть определял так называемый Восточный вопрос, появившийся в европейских международных делах во второй половине XVIII в.». (М. С. Мейер, там же, стр. 211)

Российский исследователь отмечает, что после 1740 года Порты начала терять свою былую самостоятельность в международных делах и что европейские державы пытались использовать открывающиеся возможности и подчинить империю своему влиянию. Особенно активностью отмечается после заключения Кючук-Кайнарджинского мира. Поэтому правительства Англии и Франции решительно выступили против планов России относительно расчленения османского государства и захвата черноморских проливов. Имелись и свои планы в отношении Балкан и у Вены.

М. С. Мейер отмечает, что в связи с резким «обострением борьбы вокруг Восточного вопроса связано и появление многочисленных предсказаний

в европейской литературе о скорой гибели Османской державы. Ход дальнейших событий не подтвердил этих прогнозов, но они весьма показательны для представления современников о состоянии империи, для понимания причин экспедиции Наполеона в Египет, завершившей XVIII столетие». (М. С. Мейер, там же, стр. 211) Что привело к первому в истории российско-османских отношений военному союзу.

Со второй половины века Порты оказалась в бесперспективной ситуации, которую в британской разведке называют «дьявольской альтернативой» (devil's alternative), любой поступок вызовет новые проблемы. Стремление сохранить целостность империи вынуждает её искать помощь у европейских стран для реформирования и модернизации своих вооруженных сил, а также для создания коалиций против России. Однако это разжигает конкуренцию и военно-политическое соперничество между западными столицами, поскольку каждая из них претендует на монополию в этом вопросе.

Кроме того чтобы что-то получить, Порты должна была дать что-то взамен. В нашем случае это пойти на существенные уступки союзникам и партнерам. В частности путем снятия препятствий на пути включения империи в мировой рынок. А в условиях того, что промышленное производство и торгово-производственные отношения империи существенно отставали от тех, которые уже стали складываться в ведущих европейских странах, Османская порты больше теряла, чем приобретала. Так и напрашивается аналогия с присоединением к ЕС Болгарии, Венгрии, Румынии, Прибалтики, а также Украины, если её все-таки возьмут в европейскую тусовку.

2.3 Восточный вопрос. Угол российский

Если европейское понимание понятия «Восточный вопрос» базируется в основном на прагматичных тактических военно-политических и экономических интересах, то для России оно связано в большей степени с категориями мировоззренческими, стратегическими. Как отмечает К. А. Жуков, «ее (России) первостепенная роль в разрешении Восточного вопроса определялась несколькими обстоятельствами, среди которых главное значение принадлежало вопросу о византийском наследстве, а также факту единоверия и единоплеменности с народами, поработанными турками». (К. А. Жуков «Некоторые узловые моменты русско-турецких отношений в конце XVII — начале XX вв.», Вестник Санкт-Петербургского Университета, Сер. 13, Вып. 2, 2009 г.)

Этническая, религиозная и культурная близость жителей Балкан и, в первую очередь, славян, которые все больше связывали с Россией свои

мечты о независимости, создавало для действий Москвы дополнительные возможности. Однако использовать их полностью Россия в тот исторический период далеко не всегда имела возможность. Например, вопрос о переселении в Россию австрийских сербов.

Ещё в конце [XVII века](#) до 60 тысяч сербов под предводительством патриарха [Арсения III Чарноевичавышли из пределов Турции](#) и с разрешения императора Леопольда поселились в пределах [Австрии](#). Австрийские сербы оказали большую помощь новой родине в борьбе с турками и венграми. Но в середине [XVIII века венгры](#), укрепив свои позиции при венском дворе, стали добиваться передачи под их управление сербов и начали теснить последних.

Не имея возможности отстоять в Австрии своё прежнее независимое положение, полковник Хорват в мае [1751 года](#) через русского посла в Вене Бестужева обратился с просьбой отвести для поселения сербов земли где-нибудь в Малороссии. При этом Хорват обещал привести с собой гусарский полк в 1000 человек. Предложение Хорвата было принято, и сербам отвели земли для поселения от Архангельского городка вдоль по реке [Южному Бугу](#), а также по реке [Синюхе](#) и Висе и разрешили построить [крепость св. Елизаветы](#).

В октябре [1751 года](#) Хорват, взяв сербов с женами и детьми (всего 300 человек), прибыл в [Киев](#). Известие о переселении австрийских сербов всполошило [славянский мир: черногорцы, болгары, валахи, сербы](#) задумали тоже переселиться в Россию, и из Молдавии для ходатайства об этом прибыл депутат Замфиранович.

Петербургское правительство, не решаясь дать ответ на это ходатайство, поручило своему резиденту в Константинополе Обрескову спросить согласие Порты на переселение. Обресков ответил, что такого разрешения Порты, конечно, официально не даст, но отдельные переселения будет, вероятно, оставлять без внимания.

Строительство Хорватом крепости св. Елизаветы дала возможность французскому послу привлечь внимание Турции к якобы антиосманские действиям России. Произошли объяснения, дело дошло до третейского суда в лице английского и австрийского посланников, которые решили дело сначала в пользу России, а затем, по настоянию Порты, запросили мнения своих кабинетов, действительно ли постройка крепости св. Елизаветы производится Россией не в нарушение заключённых с Турцией договоров.

Дело это тянулось до [1754 года](#), когда султан Махмуд приказал прекратить

всякие препирательства. **2 декабря** того же года султан умер. Преемник его Осман возобновил переговоры, и русское правительство, которое в отношениях с Турцией старалось соблюдать осторожность, решило приостановить работы по постройке крепости.

Осторожностью объяснялось и то, что, когда в **1755 году** черногорский **митрополит** обратился к России за помощью против турок, Санкт-Петербург ответил уклончиво и обещал через Обрескова сделать при удобном случае соответствующее представление Порте. Обресков долгое время не находил такого случая. Россия в то время принимала участие в **Семилетней войне**, и ей не нужен был конфликт с Османской империей.

Заключение

Оценивая тенденции, определявшие динамику отношений между Российской и Османской империями, приходишь к выводу, что в этом конфликте Константинополь был обречен на поражение. Это обуславливается следующими моментами.

Во-первых, империи следовали по противоположным векторам развития: Россия, прошедшая через болезненные петровские реформы армии, государственного аппарата, производства, находилась, что называется, на взлете. Порта же, застрявшая в позднем средневековье, несмотря на усилия правителей придать государственности импульс развития, постепенно теряла свои позиции, находясь в состоянии структурного кризиса.

Как следствие, располагающая большими, чем Россия, людскими, материальными и военными ресурсами, Порта оказалась не в состоянии ими воспользоваться.

Во-вторых, как бы сейчас сказали «фактор идеологический». Ведя войну с Портой, Россия имела среди её подданных реальных и потенциальных союзников в лице балканских народов, греков и армян. Нестабильность в местах их компактного проживания вынуждала метрополию держать там дополнительные воинские контингенты, которые могла бы использовать на поле боя против российской армии.

В-третьих, «фактор военный и технологический». В силу недавно проведенных реформ и модернизации производства российская армия располагала более современным оружием, кораблями. Её военачальники использовали современные тактические наработки, творчески

их перерабатывая.

Не последнюю роль сыграл и неудачный выбор Константинополем союзников, которые используя потребности османов в военно-политической и военно-технологической поддержке, решал за счет порты свои вопросы, по сути дела, ничего не давая взамен.

{tmsr2}